

кто-то высокій, высокій, единственный изъ всей компаніи, безъ гнѣва, съ благодушіемъ на рѣдкость отнесшійся къ смѣлому спорщику противъ общаго авторитета—Гегеля.

Высокій студентъ хотѣлъ, видимо, шуткой усмирить слишкомъ зарвавшуюся въ пылу своего негодованія компанію, учинившую пока словесную облаву на врага.

— А кто его знаетъ, чѣмъ эта баталія кончится, — началъ, было, немного беспокоиться Михаилъ Семеновичъ: — что, какъ, вдругъ они поссорятся? А зачѣмъ? Спорщикъ этотъ хоть и спорщикъ и дерзкій, а все-таки воевать не годится. Парень онъ славный. Надо успокоить буяновъ.

И Щепкинъ рѣшилъ, въ интересахъ общаго спокойствія, прервать опасный споръ, грозящій чуть не потасовкой. Голосъ у него тогда еще былъ — это происходило въ 40-е годы — въ полной силѣ, и онъ громко возгласилъ, стараясь перекричать всѣхъ:

— Эй, господа оппоненты! За мной! Дѣло есть! Всѣ разомъ! Бросьте пока, на минуту, вашъ споръ!

Милая, въ сущности, очень благодушная молодежь моментально вся, какъ одинъ, смолкла: ужъ очень любила она своего старика.

Такъ называли эти славные юноши Михаила Семеновича. А то и такъ говорили про него:

— Отецъ. Это — нашъ отецъ.

„Отецъ“ повелъ своихъ „дѣтей“ въ свой домъ, гдѣ онъ самъ жилъ.

— Пойдемъ къ Еленѣ Дмитріевнѣ: она сегодня